

ОБРАЗ ВОСТОКА В ТВОРЧЕСТВЕ М. ВОЛОШИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ)

В ходе изучения и рассмотрения творчества М. Волошина, мы обратили внимание на один интересный факт из его жизни, а именно то, что автор с сентября 1900 года по 22 февраля 1901 года пребывал в ссылке в Средней Азии – Туркестанском крае. Есть точные сведения о том, что М. Волошин находился в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, более того планировал посетить Фергану и Андижан. За недолгий промежуток времени – почти 6 месяцев он успел напечатать серию статей и очерков в ташкентской газете той эпохи – «Русский Туркестан», в основе которых впечатления о путешествиях поэта по европейским странам. В данной работе мы хотели бы обратиться к частично прозаическому тексту М. Волошина, а именно к его некоторым дневниковым записям, датированным 1900 и 1901 гг. Обращая внимание на то, что мы называется дневниковые записи (и мемуары-воспоминания) «частично прозаическим текстом», мы подразумеваем здесь справ лирики (неоконченные стихотворения поэта и черновики-наброски к ним) и прозы (описание увиденного).

Концепт «Восток», а точнее его «пространственная локация» – Средняя Азия, анализируемая нами начинает «входить» в активный образно-тематический «арсенал» поэта с «15 сентября 1900 г.» – именно такой пометкой датируется первая запись в дневнике. Далее мы читаем: *«Пустыня. Развалины Геок-Тепе. Длинные глиняные стены, развеваемые ветром...»* (1;28). В небольшом текстовом отрывке мы видим следующие координирующие линии: 1. Пустыня; 2. Название конкретного места (Геок-Тепе); 3. Стены (основа, опора); 4. Ветер (природная первостихия).

Данные линии не просто выделены нами: они в дальнейшем будут образовывать вокруг себя «дополнительные круги», т.е. дополнительные семантико-ассоциативные образы. Текст-сплав дневниковых записей (проза+лирика) проектирует дальнейшие, ключевые в мотивно-тематическом плане векторы, повторение которых (пустыня, степь, праземля, ветер, солнце, жара, трава ит.д.) приводит к образованию концепта «Востока» с «миндалевидными глазами». Так, например, вновь обращаясь к первой дневниковой записи, мы обращаем внимание на следующий лирический отрывок:

*«...и вот я свободен-весь мир предо мной
И всюду мне вольная воля...»*

*Я шел по долинам Тироля...
Я шел через мхи в полумраке лесном...
Я шел сквозь ущелье, где бился поток...
Я шел по сияющим снежным полям
И празелень льдов вековая
Зияла из трещин, и мертвым кольцом
Лежала пустыня немая...»(1;77)*

Данный черновой набросок стихотворения, над которым М. Волошин продолжил работу и в 1901 году, в формально-структурном плане построен на принципе анафоризации. Повторение первичных элементов текста неслучайно: автор нарочито подчеркивает свое дальнейшее предназначение: «Я шел...». Таким образом он намечает свою дальнейшую деятельность: странничество. Обратим внимание на лингвокультурный элемент поэтического текста – «вольная воля». Только носитель славянской национальной картины мира может позволить себе употребить сочетание «вольная воля», ибо оно подразумевает не просто свободу человека, но и свободу души и мысли его, тем более, находящуюся в пространстве «пустыни» или «степи». Так, мы можем говорить о появлении «зародыша» одной из ключевых тем – темы «Востока» уже в дневниковых записях. Следующая запись датируется, как «12 октября. Лагерь над Сырь-Дарьей». Интересно то, что поэт неоднократно уточняет не только хронологические рамки (15 сентября или 12 октября), но и топонимические границы (Геок-Тепе или Сыр-Дарья).

Это указывает на то, что для М. Волошина это важно, важно именно и в художественном плане. Мы читаем: «*Странно, лежа в юрте и глядя на излучины Сыр-Дарьи, убегающей у северу, так ярко представить себе Париж. Передо мной История Европейского романа Боборыкина... Свободная и необузданная мысль Ницше весело скачет по запутанным лабиринтам, настроенным человеческим умом (или глупостью?)...»(1;67)*. Во фрагменте мы находим еще одно доказательство тому, что именно благодаря пространству пустыни и степи (юрта в степи у берегов Сыр-Дарьи, пространство открытого, беспрепятственного, безграничного мира) поэт находит свое истинно «Я», а точнее находит истоки Мирозерцания и приходит к философскому истолкованию окружающей действительности, переносится мысленно из Средней Азии в Европу – в Париж. Именно внешняя «мертвая тишина и спокойствие» пустыни степи, которые, кстати, особенно не разграничиваются у М. Волошина, являются стимулом для дальнейшей интерпретации реальной действительности в художественном мире и возникновению в дальнейшем целой вереницы новых образов,

берущих начало в структуре образа «Востока»: столь многогранного, яркого, неповторимого.

В продолжении дневниковой записи, датированной также 12 октября, мы видим следующие строки

*«...В истории много магических слов
(Великая) Сокрытая сила в их смысле
Влияет в течение целых веков
На ход человеческой мысли...» (1;85)*

Под «магическим словом» мы можем увидеть силу Logosa, благодаря которой одно и то же явление по истечению веков, эпох неизменно оставалось ключевым в творчестве не одного М. Волошина: здесь речь может идти также и о творческой интерпретации одного исторического факта в творчестве разных художника. Обращаясь лишь к нескольким дневниковым записям мы уже можем реконструировать часть образа «Восток», который переходя из одного жанра (орт эпистолярного до лирического) в другой, перерастая и обрстая новыми смыслами и значениями превращается в категорию «концепт». Отталкиваясь от мысли того, что почти каждый писатель-художник или поэт «путешествует Всея Земли» и именно образы и мотивы, новые темы и идеи, возникшие в ходе данных странствий, в аккумулятивной форме, могут воплотиться уже в цельном художественном лирическом тексте, мы отмечаем и наличие «странствующих» мотивов в Восточной лирике М. Волошина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошин М.А. Собр. сочин. в 8 томах. Том 1. М., 2002. 374 с.
2. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира М., 2003. 254 с.
3. Струве Г. Дух, лицо и стиль русской культуры М., 1996. 175 с.
4. Поцепня Д. М. Образ мира в слове писателя М., 1997. 188 с.